
Оксана Довгополова

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЧУЖОГО В РАЗРАБОТКАХ

Б. ВАЛЬДЕНФЕЛЬСА

Аналізуються особливості розуміння поняття Чужого в теорії Б. Вальденфельса в контексті феноменологічної традиції. Визначено різні сенси поняття Чужого, що присутні в роботах Б. Вальденфельса.

Ключові слова: Чужий, Інший, життєвий світ.

Проанализировано понятие Чужого в теории Б. Вальденфельса. Определены различные смыслы понятия Чужого в работах Б. Вальденфельса.

Ключевые слова: Чужой, Другой, жизненный мир.

The peculiarities of the concept of Alien in theory of B. Waldenfels in common context of phenomenological tradition appear are analyzed. The different senses of Alien's notion in B. Waldenfels texts appear are distinguished.

Key words: alien, other, LebensWelt.

Сложность теоретического определения понятия Чужого заключается, в первую очередь, в том, что его смысл частично перекрывается обыденным употреблением понятий Другого, Иного, а иногда и Отторгаемого. Зачастую эти понятия используются как синонимы, а разница между ними оказывается всего лишь своеобразным коррелятом степени «отдалённости» – идёт ли речь о феномене, слегка отличающемся от привычного в обжитом мире, или о том, что «пришло» из какой-то отдалённой страны. В обыденном словоупотреблении, как правило, этого оказывается вполне достаточно, и даже в теоретических разработках, если они не направлены специально на выяснение специфики Другого или Чужого, нормальной оказывается ситуация взаимозаменяемости названных понятий. При этом более пристальный взгляд в сторону всего комплекса отличающегося от Нормы заставляет задуматься над спецификой отдельных его (комплекса) составляющих. Такой взгляд зачастую обнаруживает внутреннюю противоречивость трактовок Чужого и Другого даже в рамках единого методологического подхода. Подобные соображения создали у автора этих строк потребность в уточнении смысла понятия Чужого, в частности, в традиции феноменологических изысканий. Рамки статьи не позволяют создать панораму вариантов понимания Чужого в указанном философском направлении в целом, поэтому оправданным будет сосредоточиться на анализе разработок одного представителя современной немецкой феноменологии – Бернхарда Вальденфельса. Подобные изыскания уже проводились на ином материале (см., в частности: [4]), таким образом, предложенная в данном тексте разведка

проводится в рамках уже намеченного направления уточнения понятий, используемых в феноменологической традиции.

Желание уточнить сущность трактовки Чужого в наработках Б. Вальденфельса возникло у автора этих строк как результат некоторого «скрипа», возникшего при сопоставлении вариантов понимания Чужого в работах немецкого феноменолога. Представляется оправданной в этой связи попытка заострения внимания на сути определения Чужого, его специфике и соотношении с другими понятиями, так или иначе обращёнными к обозначению Не-Своего.

Ясное на уровне обыденного мышления, понятие Чужого ускользает от теоретического препарирования. Кто такой Чужой? Б. Вальденфельс фиксирует на этом внимание и предоставляет читателю возможность выбрать несколько вариантов присутствия Чужого в нашей жизни, обозначая их как языковые разграничения. Во-первых, Чужое это то, что происходит за пределами нашего пространства. Во-вторых, Чужое это то, что принадлежит Другому. В-третьих, Чужое это что-то чужеродное [2, с. 15]. При этом Вальденфельс не только указывает на различия языкового употребления понятия Чужого, возможно отсылающие к различным феноменам, но различает формы присутствия Чужого в нашей жизни, различающиеся по уровню возрастания чуждости. Прежде всего, чуждость предстаёт в форме повседневной или нормальной чуждости – т. е. чуждость соседей или прохожих, которых мы не знаем лично, однако имеем механизмы понимания их поведения. Возрастание уровня чуждости приводит к оформлению структурной чуждости, которая указывает на всё, что находится за пределами нашего порядка. Именно понимание структурной чуждости лежит в основе разделения жизненного мира на «родной мир» и «чужой мир». Данный вариант чуждости включает наше понимание наличия некоего, пусть и непонятного нам, порядка на чужой территории. Наконец, предельный уровень чуждости обозначается Вальденфельсом как её (чуждости) радикальная форма, при столкновении с которой оказывается невыносимой сама постановка вопроса о возможности интерпретации [2, с. 28–29].

Напомнив классификацию уровней чуждости в «Топографии Чужого», хотелось бы заострить внимание на замечании Вальденфельса о том, что Чужое не отождествимо просто с Другим или Иным. Ведь когда мы различаем яблоко и грушу, нам не приходит в голову сказать, что они являются чужими по отношению друг к другу [2, с. 15]. Они разные, другие. Как же ухватить суть именно Чужого? Причину упомянутого «скрипа» в восприятии трактовок Вальденфельса составляет расширение границ феномена Чужого в области, на мой взгляд, уже

заняты другими феноменами, что размывает границы собственно Чужого. При этом именно в наработках Вальденфельса мы находим тщательное, скрупулёзное препарирование понятия Чужого, не оставляющее места для разночтений. Имеет смысл обратиться в этой связи к теоретическим разведкам Вальденфельса в области выяснения сущности Чужого. Сопоставление этих выводов с упомянутой классификацией форм чуждости даст возможность «прощупать» границы феномена Чужого и понять причины предполагаемого расширения этих границ в «Топографии Чужого».

Представляется очень удачной вальденфельсова интерпретация Чужого как интенционального сбоя. Именно такая интерпретация не позволяет смешать значения понятий Иного, Другого и Чужого. Суть интенционального сбоя становится ясной на фоне проблемы формирования картины обжитого мира, в котором даже незнакомое предстаёт первично освоенным. Не стоит напоминать тривиальное утверждение о том, что в повседневной жизни мы на каждом шагу сталкиваемся с тем, что никогда в жизни не видели, с абсолютно неизвестным, которое при этом ничуть не пугает нас. В феноменологической традиции тщательно разработана проблема отсутствия ужаса перед незнакомым в повседневной жизни. Механизмы создания картины обжитого пространства достраивают для нас обжитый мир, в котором отдельные явления предстают в истолкованном с помощью системы типизаций виде (А. Шютц). Чуждость в такой типизированной анонимной картине мира снимается, уходит на второй план – ибо сама процедура истолкования мира призвана уничтожить пугающую непонятность. Основной способ восприятия мира в повседневном течении жизни можно назвать «прохождением мимо» (О. Финк) – ибо ориентирование с помощью типизаций не предполагает необходимости индивидуального контакта со встреченным. Совокупная система отсылок, формирующая картину обжитого мира, позволяет нам действовать в нём автоматически, не нуждаясь даже в физическом присутствии других людей для истолкования их действий. В этой связи можно даже сформулировать несколько прямолинейный вывод: освоенный мир – это то, чего мы не замечаем. Мы просто функционируем в понятной нам среде обитания.

Как это ни странно, наш обжитый мир в его целостности и освоенности становится заметным только тогда, когда привычные «рецепты» (А. Шютц) не срабатывают, в тот момент, когда в привычную картину внедряется нечто, не имеющее в ней своего места. По словам М. Хайдеггера, целокупность бросается в глаза тогда, когда сущее окружающего мира, будучи «пригодным для...» *отказывается* служить,

выходит из строя, повреждается. Причём это в равной степени верно для самых разных уровней существования – «отказ служить» делает «видимым» как повседневный мир в целом, так и каждую отдельную вещь или группу вещей. Позволю себе вновь сослаться на М. Хайдеггера, утверждавшего, что вещь бросается в глаза, когда оказывается непригодной – именно в этот момент она становится собственно *присутствующей* в своей дефектности [3, с. 196]. Мы пользуемся вещью автоматически, можем не замечать её цвета и формы, если она выполняет свою функцию. Но стоит ей сломаться, как мы не преминём уделить ей внимание, рассмотрим в деталях, выискивая причину поломки, заметим особенности структуры, мелкие дефекты, остававшиеся незаметными для нас, пока вещь функционировала. Мы можем годами ходить по лестнице и не замечать, что она, скажем, деревянная до тех пор, пока под нашей ногой не сломается ступенька. То есть нарушение в функциональности делает вещь объектом нашего внимания, делает её заметной. Боль делает заметным поражённый орган – мы не «знаем» о существовании нашего сердца до тех пор, пока оно не заболит. Мы не замечаем своей способности говорить до тех пор, пока не потеряем голос. Точно так же нарушение нормального хода событий делает заметным обжитое пространство. Если мы, скажем, выйдем на улицу в час пик и обнаружим город полностью безлюдным, это может вызвать ужас. Та же картина в четыре утра пройдёт мимо нашего внимания – настолько она нормальна. Безлюдный город в час пик – это ситуация ненормальная, чужая, свидетельствующая о том, что произошло нечто полностью изменившее наш мир, но о чём мы не знаем. Именно на эту особенность сбоя в автоматическом ориентировании в мире обращает внимание Б. Вальденфельс, замечая, что самим фактом своего неведения мы оказываемся отданы в чью-то власть. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать в этой связи одного из героев флеш-сериала «Магазинчик Бо», разъяснявшего смысл правительственных приготовлений к бомбардировке на вид безобидного, но слишком уж внезапно возникшего в центре Петербурга здания: «Не знают, чего бояться, вот и бояться». Действительно, даже самое приблизительное понимание ситуации даёт возможность представить себе возможный план действий – либо не обращать внимания на эту штуку, либо бежать, либо вступать в переговоры. Зная характер опасности, можно испытывать страх, не зная – ужас. Встреча с чем-то полностью незнакомым лишает нас свободы, бросает в чью-то власть.

Чужое становится заметно не «после» сбоя в нормальном течении событий, чужое *является* самым моментом сбоя. Оно *являет себя* в отказе

обжитого мира быть «пригодным для...», в невозможности применить привычные «рецепты». Бернхард Вальденфельс определяет ситуацию явления Чужого как *претерпевание* и раскрывает смысл этого явления описанием ситуации ранения. Физическое воздействие насильственно определяет меня к вниманию [1, с. 46], выводит из автоматического существования повседневности. Особенностью ситуации претерпевания Вальденфельс считает то, что смысл здесь погрязает в реальном воздействии – здесь мы не нацелены на нечто, что идет нам навстречу, что вызывает нашу инициативу и одновременно дожидается нашего ответа. Скорее, действительность перебивает нашу речь, она овладевает нами. Согласно Вальденфельсу, мешающее или ранящее не является чем-то, что разочаровывает наши интенции, словно негативный результат теоретических или практических усилий. Оно есть нечто, что пресекает наши интенции в их свершении [1, с. 55]. Ситуация интенционального сбоя, описываемая Вальденфельсом, характеризуется преимуществом пассивного претерпевания, отсутствия возможности активной реакции. Причём в данном случае пассивность означает не просто ситуацию, в которой я удовлетворяюсь восприятием того, что само себя кажет. В данном случае пассивность означает, что мое поведение стопорится, приостанавливается и, в крайнем случае, прекращается [1, с. 56]. Это и есть то самое нахождение во власти, о котором уже шла речь. В случае претерпевания мы приближаемся к *границе* человеческого поведения – претерпевание означает, что мы должны либо преодолеть каким-то образом негативное воздействие, либо умереть. Пребывание в реальности, не узнаваемой нами в её чуждости, невыносимо. Для того чтобы вернуть себе возможность активного воздействия, необходимо вновь оказаться в истолкованном пространстве. Таким образом, для преодоления интенционального сбоя реальность должна быть либо «узнана» с учётом определённых корректив, либо перетолкована заново, создавая новые контуры обжитого пространства.

Если следствием утраты обжитым миром контуров обжитости не стала смерть (в любом своём варианте, не обязательно в форме физического исчезновения), возникает возможность начать «лечение» своего пространства. Вальденфельс указывает на природу такого «лечения» – началом исправления интенционального сбоя является истолкование. Я толкую, что именно я вижу, пытаюсь подвести это неизвестное под знакомые и привычные мне категории, то есть начинаю осознанно осуществлять ту деятельность, которая в повседневной жизни осуществляется мной автоматически. Сталкиваясь с явлением, которое сопротивляется такой автоматической или полуавтоматической

идентификации, мы испытываем настоящий дискомфорт, всё наше внимание оказывается захвачено интерпретацией.

Таким образом, Чужое в трактовке Вальденфельса являет себя интенциональным сбоем, который после начинает исправляться с помощью интерпретационных процедур. Ещё раз подчеркну – согласно Вальденфельсу, Чужое оказывается самым моментом интенционального сбоя, а не последствиями этого сбоя. Присутствие Чужого обнаруживает себя ситуацией претерпевания, абсолютного преобладания пассивности над активностью, невозможностью интерпретации. Метафора ранения, использованная Вальденфельсом, наилучшим образом раскрывает сущность феномена Чужого, указывает на его специфику в сопоставлении с Другим или Иным. Если мы, имея в виду сказанное, возвратимся к описанным Вальденфельсом формам Чуждости, разграниченным на основе возрастания «концентрации» признаков Чужого, не должно ли нам показаться странным помещение в один ряд незнакомого соседа, чужеродного культурного пространства и «радикально» Чужого, являющего себя прерыванием нашей речи, перебиванием нашей интенции в её свершении? Ведь согласно собственному выводу Вальденфельса, под определение Чужого подпадает только третий элемент классификации – «радикально» Чужое. Недаром немецкий феноменолог замечает, что его более всего интересует именно эта, «радикальная» или даже «экстремальная» форма чужести [2, с. 80]. И незнакомый сосед (как и тысячи незнакомых людей, которых мы встречаем в повседневной жизни), и организованное согласно неизвестным нам принципам территориально отдалённое пространство отнюдь не перебивают наших интенций в их свершении. Мы уверенно ориентируемся в мире, наполненном другими людьми, даже не задумываясь об их чужести, а мысль о существовании других государств, культур или каких бы то ни было иных форм социальной организации не заставляет нас почувствовать остроту Жала Чужого. Зачем Вальденфельсу эта классификация? Не противоречит ли он себе?

Возможно, причиной желания отойти от категоричности собственного определения оказывается для Вальденфельса неизбежность столкновения с проблемой ускользания сущности собственно Чужого в процессе его препарирования. Ведь если мы уже интерпретировали и истолковали Чужое, оно перестало быть таковым, занимая приготовленное для него место в обжитом пространстве. Чужое в интерпретации лишается своего Жала [2, с. 92], утрачивает природу интенционального сбоя, которая, собственно, и составляет его суть. Замечая, что опыт Чужого оказывается опытом непреодолимого отсутствия, Вальденфельс говорит о своём

согласии с выводами позднего Мерло-Понти, Левинаса и Деррида – истолкование Чужого превращает опыт Чужого в вариацию опыта Своего [2, с. 77]. Естественно – делание недоступного доступным уничтожает Чужесть, суть которой мы пытаемся уловить в пристальном изучении. «Логос Чужого иссушил бы феномен Чужого логофикацией» [2, с. 83]. Указывая на это, Вальденфельс фиксирует парадокс – «феноменология как ксенология была бы наукой, которая в своём предмете сама себя растворяла бы. Ксенон был бы продуктом отчуждения, который после завоевания отчуждённого исчезал бы, как снег весной» [2, с. 83]. Не это ли опасение уничтожения феномена, суть которого мы изучаем (парадоксальным образом *зная* о его существовании, но не будучи способны его поймать и препарировать), заставляет подставлять на место собственно феномена его превращённые формы? Ибо они оказываются единственным, что не ускользает сквозь пальцы, когда мы пытаемся ухватиться за суть Чужого.

В своём продвижении к сути Чужого Вальденфельс опирается на известные выводы Гуссерля о значимости Другого – первым человеком является Другой, а не Я. Для Вальденфельса значимым и беспокоящим является тот момент, что в признании опыта Чужого как опыта непреодолимого отсутствия Гуссерль (в отличие от принявших этот тезис Мерло-Понти, Левинаса и Деррида) смягчает парадокс, когда неумолимо старается доказать, что Чужое, несмотря на всю его чужесть, конституируется в горизонте собственного настоящего из средств собственного [2, с. 77]. Он неоднократно возвращается к этой мысли, замечая, что наука о Чужом только в том случае избегает опасности самороспуска, если чужое оказывается чем-то большим, чем неизвестное и непонятное, которое должно быть освоено *per analogiam* [2, с. 91]. Возможно, именно желание одновременно следовать в фарватере мысли Гуссерля и преодолеть её в вопросе о сути Чужого порождает то напряжение, которое можно обнаружить в трактовке Чужого у Вальденфельса. Нормальная, или повседневная и в равной мере структурная чужесть предстаёт в трактовке Вальденфельса именно как неизвестное, которое может быть освоено *per analogiam*. И дело тут не в том, что оно пока *не освоено*, дело в том, что оно *пока* не освоено. С «радикально» Чужим (или с собственно Чужим) такого не получается – тут отсутствует сама возможность освоения и интерпретации.

Возможно, тот феномен, который описывается в «Картезианских размышлениях», сущностно отличается от затронутого Вальденфельсом. Одно и того же слово (напомню, что как Гуссерль, так и Вальденфельс используют слово «Чужой», это в русском переводе мы видим у Гуссерля

«Другого») отсылает к различным феноменам. Для Гуссерля значимо, что отправной точкой познания себя оказывается отличное от меня, то, что мы начинаем осваивать с помощью аналогизирующих процедур, конструируя образ alter ego. Таким образом, результатом этой деятельности оказывается как раз конструирование образа обжитого мира, накопление опыта для ежеминутного достраивания картины мира. Речь идёт главным образом о Другом в жизненном мире, воспринятом в качестве alter ego. В то время как мысль Вальденфельса направлена на иное – определение сути Чужого как Чужого, определяемого только в событии ответа и нигде больше. Собственно, желание «оставить под крышей» общего обозначения разных феноменов приводит к размыванию чёткости выводов самого Вальденфельса. В стремлении всесторонне рассмотреть объект своего интереса Вальденфельс обращается к самым различным проявлениям Чужого, вплоть до обращения к Чужому внутри нас. Но Чужое в сферах межличностных отношений, социального мира или экзистенциального столкновения с Чужим внутри себя нуждаются, скорее всего, в дифференцированном подходе. И инаковость немецкого соседа, заклинающего духов, неаполитанского карманника, островков чуждости внутри меня или некоего внешнего феномена, вбрасывающего меня в ситуацию «ранения», оказываются обладающими разной природой. Наделяя их единым именем, мы рискуем прийти к ложным выводам. К примеру, обращаясь к понятию Другого в построениях Жана-Поля Сартра или Мартина Бубера, мы имеем в виду феномен, отличающийся от названного Другим в разработках Альфреда Шютца. Если первое отсылает к экзистенциальной ситуации человека, то второе – к способу бытия-друг-с-другом в осуществлении совместной заботы, когда нас вовсе не интересует индивидуальная неповторимость встреченных нами в жизненном мире. То же, по сути, с Чужим (особенно учитывая, что в большинстве случаев авторы пользуются производными от одного и того же корня).

Стараясь подойти «со всей ответственностью» к определению Чужого и не расширяя сферу его действия, мы всё равно оказываемся в ловушке, подстраиваемой самой природой Чужого. Как быть с уже упомянутой возможностью самоуничтожения ксенологии – ведь из наличной данности знаний о Чужом мы имеем только факт осведомлённости о возможности интенционального сбоя и продукты «лечения» обжитого пространства, т. е. убитую в истолкованности чужесть. В таком случае о ксенологии в принципе говорить нельзя. В то же время представляется совершенно очевидным, что рассмотрение способов мысли о Чужом, механизмов «лечения» обжитого пространства и форм превращения Жала

в элемент пейзажа повседневности позволяет качественно обогатить возможности изучения конфигураций обжитого пространства. Просто зафиксировать наличие интенционального сбоя мало – нужно видеть, как он (сбой) преодолевается и, что не менее важно, иметь инструменты различения продукта этого преодоления (т. е. того, что собственно, видится в картине мира как Чужое) и разного рода элементов уже существующего жизненного мира, которые видятся как отличные от нормы. Это и делает объектом ксенологического изыскания упомянутые продукты «лечения». Они обладают специфическими характеристиками, которые позволяют увидеть, что в данной картине мира видится как чужое, а что – как другое, возможно, неприемлемое, вызывающее желание отторгнуть, но принадлежащее именно этой картине мира. Таким образом, ксенологическая разведка уточняет конфигурацию обжитого пространства, позволяет увидеть границы между своим и чужим миром, расположение которых вовсе не так очевидно, как может показаться на первый взгляд. Это значимо как для сравнения картин мира «по горизонтали» (то, что ближе Вальденфельсу, признавшемуся, что скорее предпочёл бы быть географом, чем историком), так и «по вертикали» (при сравнении исторических вариантов картин обжитого мира). Как обозначить продукт истолкования Чужого? Сбивает с толку то, что любая культура этот продукт обозначает именно как Чужое, и хочется последовать за источником в словоупотреблении. Автор этих строк не нашёл иного варианта, нежели воспользоваться определением «Образ чужого». Может быть, Вальденфельс, говоря о «структурной» или «повседневной» чуждости, имел в виду именно это? Однако уже было отмечено, что отличность и чуждость оказываются здесь смешаны.

Разработки Б. Вальденфельса создают серьёзную теоретическую базу для продвижения в области понимания сути Чужого. При этом вопрос о границах применения понятий Чужого и Другого нуждается в дополнительном уточнении, что представляется значимым для разработки проблемы метафорической топографии обжитого мира.

1. Вальденфельс Б. Мотив Чужого.– Мн.: ПроPILEI, 1999.– 176 с.
2. Вальденфельс Б. Топография Чужого: студії до феноменології Чужого.– Київ: ППС-2002, 2004.– 206 с.
3. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени.– Томск: Водолей, 1998.– 384 с.
4. Шпарага О. Н. Другой в интерсубъективном мире (Проблематизация Другого в Пятой картезианской медитации Гуссерля) // <http://toposcentre.com/publications/index.htm>